

Николай Завырылин

18+

Два изумруда

Николай Завырылин

Два изумруда

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Завырылин Н. А.

Два изумруда / Н. А. Завырылин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-05967-2

История об увлекательной судьбе коронных драгоценностей царской семьи Романовых и попытках их поиска и возвращения. Правда, не всегда привычными и праведными методами, в которых замешаны русский-ирландец Майк Блад и его тётушка Гертруда.

ISBN 978-5-532-05967-2

© Завырылин Н. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Предисловие

Давно известно, что на Руси коллекционирование предметов старины, имеет давние традиции. Хотелось бы верить, что ещё Софья Палеолог племянница последнего византийского императора Константина Одиннадцатого, в 1472 году привезла с собой в качестве приданого великому князю Московскому Ивану Третьему семьдесят подвод, груженных, в том числе, различными рукописями.

Но все же, собирательство на Руси связано больше с именем Петра Первого и «птенцами гнезда петрова».

В девятнадцатом году восемнадцатого столетия царь Петр Первый издал указ, давший основание созданию Камер-коллегию в России. Предполагалось, что та будет следить и отвечать за хранение «подлежащих государству вещей». В специальном хранилище в Зимнем дворце Санкт-Петербурга, позднее переименованном в Бриллиантовую комнату, разместили государственные регалии. Там оказались и скипетр, и держава, большая и малая императорские короны, а также и венчальная императорская корона. Во времена Екатерины Великой в Бриллиантовую комнату перенесли и парадные украшения, и коллекцию редких самоцветов. По тому же указу Петра, ни одна из коронных драгоценностей не могла быть продана, обменена или подарена.

Вплоть до начала Первой мировой войны сокровищница периодически пополнялась. При Николае Втором часть коллекции решили выставить в галерее драгоценностей Эрмитажа. Хотели, чтобы с ней мог ознакомиться каждый желающий.

В первые дни, возможно, и недели после начала военных событий Первой мировой было принято решение об эвакуации драгоценностей. Сундуки с царским богатством собирались и укладывались спешно. К сожалению, спешка привела к отсутствию описей содержимого сундуков. Вскоре эти сундуки оказались в подвалах Оружейной палаты Московского Кремля. Позаботился об этом канцлер российских императорских и царских орденов,

министр Императорского двора Российской империи, граф Владимир Борисович Фредерикс или Адольф Андреас Волдемар Фридрикс.

Как известно, последние Романовы входили в число самых богатейших семейств мира, а петербургский двор был, по свидетельству главы царской канцелярии, без сомнения, «самым роскошным двором»^{1*} того времени. Из восьми сундуков, вывезенных из Петербурга, были два особенных сундука с коронными драгоценностями. Но на сундуках не было ни каких обозначений и номеров. Таким же образом вывезли и самые ценные вещи, и драгоценности, принадлежавшие семье Николая Второго на правах личной собственности. После начала Гражданской войны в России и даже после переезда Совета народных комиссаров в Москву в марте восемнадцатого года, большевикам было, по большому счёту, не до императорских регалий и коронных бриллиантов. Вплоть до весны двадцать второго года ящики с регалиями и коронными бриллиантами, благополучно пролежали в Оружейной палате. Эти вещи были завалены другими коробками, перевезенными из Петрограда.

Правда, уже скоро новая власть решила подзаработать на том, что осталось от наследия русской монархии. В числе драгоценностей, подлежащих учету и описанию в 1922 году, оказались украшения, найденные в частных покоях вдовствующей императрицы Марии Федоровны в Аничковом дворце. Туда в своё время она перевезла их для личного пользования*. Первую попытку продать царские драгоценности победители революции, предприняли все же ещё в мае 1918 года. Тогда в Нью-Йорке на таможне задержали двух приезжих с ювелирными укра-

¹ *В. М. Скляренко, И. А. Рудычева, В. В. Сядро. 50 знаменитых загадок истории XX века

шениями стоимостью в триста пятьдесят тысяч рублей, принадлежавшими сестре царя Ольге Александровне, дочери Александра Третьего.

В следующем году в Москве состоялся учредительный конгресс третьего Коммунистического Интернационала. С этого-то времени и начались интересные истории по вывозу царских драгоценностей агентами Коминтерна. Интернационалисты регулярно вывозили из Москвы золотые ювелирные изделия и драгоценные камни. У себя в странах они должны были их реализовать, а полученные деньги потратить на местные компартии и подпольную работу. Сначала контроль за агентами практически не осуществлялся, поэтому украдено было гораздо больше, нежели потрачено на подготовку мировой революции. Дабы пресечь «беспредел», уже в феврале двадцатого года «для централизации, хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделий из них; бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга» и был создан Гохран.* Главной задачей создание Гохрана было не столько изучение императорского ювелирного наследия, сколько подготовка этого наследия к продаже.

Работа с императорскими регалиями и коронными бриллиантами подтвердила идеальную сохранность всех драгоценностей и регалий, объявленных правительственным фондом драгоценных металлов. Еще в 1921 году были обнаружены хищения. Трех оценщиков для острастки публики расстреляли, многих посадили. Голод, начавшийся этим же летом, заставил власти искать средства на закупку хлеба. К тому же следовало расплатиться с Польшей.

Согласно Рижскому мирному договору от 1921 года Польше отходили западные земли Украины и Белоруссии. Помимо всего прочего, большевики обязались в годичный срок выплатить полякам и тридцать миллионов золотых рублей. Тут, кстати, они и вспомнили о коронных драгоценностях, большая часть которых представляла собой шедевры русского классического ювелирного искусства. В 1922 году в Лондоне и Амстердаме изумруды из Гохрана продали под видом добытых на Урале. Через год в Амстердам привезли жемчуг и бриллианты Гохрана. В дальнейшем бриллианты и жемчуга тоже продолжали распродавать, но уже в Париже.

Что же касается долга полякам, то и его погасить решили драгоценностями, отобрав для этого наилучшие бриллианты, жемчуг и цветные камни.

За десять лет с даты образования Гохрана из 773 предметов Алмазного фонда было продано 569. В тридцатом году из коллекции Оружейной палаты было изъято более 318 предметов для продажи частным лицам, в том числе одиннадцать яиц Фаберже. Три года спустя окажется, что Россия лишилась еще трех пасхальных яиц.

Часть драгоценностей продавали по поручению советского правительства на аукционах в 1926, 1927, 1929, 1933, 1934 и 1938 гг., которые проходили в Берлине, Вене, Лондоне и Нью-Йорке*.

Судьба драгоценностей бывшего русского двора вновь привлекла к себе внимание отечественных и западных историков после реабилитации семьи царя Николая Второго. Вспомнили и о фамильных драгоценностях, забранных с собой семьей последнего императора. Это, когда Романовых увозили в Сибирь.

Часть из них инфанты оставили в Тобольске, передав местному священнику. Чтобы вывезти другую часть украшений в Екатеринбург, дочерям царя пришлось прятать их в одежду. Изделия вшивали в лифчики, в шляпы, надевали под одежду и маскировали под пуговицы.

В июле 1918 года новый комендант Яков Юровский приказал пленникам сдать все драгоценности. После расстрела пленников Юровский перед тем, как сбросить тела в шахту, приказал обыскать убитых. Так на царских дочерях были найдены лифы с многочисленными драгоценными камнями, которые в спешке выпороли из пропитанной кровью ткани. «Велел разложить костры, когда стали раздевать, то обнаружилось, что на дочерях и Александре Федо-

ровне, на последней я точно не помню, что было, тоже как на дочерях или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и других ценных камней, представлявших из себя не только вместилища для ценностей, но и вместе с тем и защитные панцири. Вот почему ни пули, ни штык не давали результатов при стрельбе и ударах штыка. В этих их предсмертных муках, кстати сказать, кроме их самих, никто не повинен. Ценностей этих оказалось всего около полпуда. Жадность была так велика, что на Александре Федоровне, между прочим, был просто огромный кусок круглой золотой проволоки, загнутой в виде браслета, весом около фунта. Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать с собой окровавленное тряпье. Те части ценностей, которые белые при раскопках обнаружили, относились, несомненно, к зашитым отдельно вещам и при сжигании остались в золе костров. Несколько бриллиантов мне на следующий день передали товарищи, нашедшие их там. Ценности собрали, вещи сожгли, а трупы, совершенно голые, побросали в шахту»^{2**}. Куда же делся Романовский тобольский «клад», все-таки найденный большевиками в ноябре тридцать третьего года.

Говорят, что часть клада включала в себя не только много каратные ювелирные украшения, но и отдельные 154 предмета? К сожалению, это оставалось тайной и вопросом вопросов. Особенно странным оказалась пропажа «золотой шпаги» царевича Алексея.

² **Из рассказа Я. М. Юровского о расстреле царской семьи на совещании старых большевиков в г. Свердловске, ЦЦО-ОСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 151. Л. 10 – 22

Глава 1

Майк Блат

Полным ходом силу набирала весна 2015 года. Сидеть в Лондоне Майку давно наскучило. Его тянуло в родные места, где скоро должны были зацвести сады с его любимыми яблонями и вишнями. Он вспоминал мамин Симферополь. Друг просил находиться в городе и никуда не выезжать за его пределы. Более того, последнюю неделю его коллеги также находилась безвылазно в доме. Майку ничего не оставалось делать, как гулять на просторах интернета, почитывая разные статьи и новости. Его уже давно интересовала история и связанные с ней приключения. Даже детективы и криминальные сюжеты интересовали его лишь тогда, когда он мог почувствовать в них историческую основу.

Сам он был родом из Томской области. Правда, перед пятым классом в конце семидесятых годов маме с бабушкой удалось по приглашению дальних родственников увезти мальчишку в Симферополь. В Сибири остались дворовые друзья, одноклассники и одноклассницы. В том числе и симпатичная девчонка с косичками, Юлька. Несмотря на свою коммуникабельность, Майк долго привыкал к новой обстановке. Он не сразу смог понять одноклассников, которым предложил свою дружбу. Ему казалось, что мальчишки и девчонки везде одинаковы. Немного позже к нему пришло понимание того, что все люди разные. У местных явно выделялись свои особенные черты. Могли подставить перед завучем школы или учителем класса. В частности, его друзья и учителя в Сибири, казались ему совершенно иными, более открытыми и честными. Мальчишки из класса в случае противоречий предлагали сразу померяться силами на кулачках, без каких-либо дальнейших жалоб на разбитые носы и сбитые косточки. Там не было никаких интриг и подстав, все утрясали в своем дворовом или классном коллективах. Потому и последующая дружба была крепче. Дружили без каких-либо выгод. Школа была во дворе, а потому по весне с одноклассниками и не только гоняли банку или играли в «короля». Зимой строили снежные городки и шли атакой на соседний двор или наоборот. Защищались от соседей, забрасывая их снежками, предварительно спрятавшись в возведенной снежной крепости. Никого не интересовало твое происхождение или работа родителей. Пытались ухаживать за девчонками. Майку нравилась Юлька. В Крыму все было наоборот.

К восьмому классу у Майка явно проявились математические способности. К середине учебного года он уже сам для себя прошел учебник математики и занимался на подготовительном математическом факультативе для старших классов школы. В десятом он выиграл не только все школьные и городские, но, и республиканские олимпиады. В качестве премии победителей возили в московский Кремль и устраивали там экскурсии. Царь пушка, собор Василия Блаженного и мавзолей на Майка вообще не произвели никакого впечатления. Из московского путешествия больше всего запомнились посещения Оружейной палаты и Алмазного фонда и, как ни странно, московское эскимо. Столько красивых вещей и драгоценностей он не видел никогда. Мальчишку распирала гордость от увиденного и услышанного. По итогам учебы после десятого класса его приглашали поступать в учебные заведения Москвы и Киева. Он выбрал университет в Новосибирске. Тот славился своей математической школой на весь Советский Союз. Так он оказался снова в любимой Сибири. Жил он в общежитии академического городка. В одной группе вместе с ним учился и его старый друг Юрка, бывший одноклассник из Северска, брат Юльки. Кстати, одноклассник и стал одним из виновников выбора друга, когда они вместе вышли в финал Всесоюзной математической олимпиады. Где Юрка и стал одним из победителей.

Математический анализ был коньком Майка. Всесоюзные олимпиады университетской командой они вместе с другом выигрывали на раз. Но на международные турниры его не при-

глашали. От курса ездил только Юлькин брат и ещё пара студентов. Что-то не клеилось у проверяющих с документами жителя Симферополя. Даже тогда, когда на четвертом и пятом курсах приходили к ним в университет из определенных структур, предлагая будущую аналитическую работу, на него не обращали внимание. Как-то, даже, Юрка сказал удивленно: “Слушай, Майк, не могу понять, почему обращают внимание на какого-то четвертого номера, Игоря Петрова, вместо первого номера университетской команды Майка Блата?” Майк молчал, ему самому было немного обидно и не понятно. Видно, по той же причине его не пригласили на работу в Сибирское отделение академии наук Союза. Да, и в самом Союзе назревали интересные времена. Шла перестройка. Юрку же отправили после университета учиться в Москву.

Свой странный секрет Майк узнал немного позже. На работу по специальности в конце восьмидесятых, после каникул у матери в Симферополе, он все же устроился. Это оказался один из новосибирских институтов. В то время там внедрялась новая электронно-вычислительная техника для обьсчета различных теорий и программ. Через год его назначили заведующим лаборатории анализа и вычислений. Денег платили немного, но на жизнь одиночки хватало. Но все последнее время после приезда из Крыма его терзала одна мысль. Каким образом в его венах могла течь ирландская кровь. Летом они с мамой хоронили бабушку. Ей минуло девяносто пять лет. Незадолго до приезда внука домой, уже вся больная, но с ясной головой, она рассказала его матери историю откуда в сундучке с её документами храниться алый бант с небольшим насыщенного цвета камнем, изумрудом. Мать долго не могла поверить в сказанное. Рассказывать Майку эту историю она пока не решалась. После похорон своей матушки она все же не удержалась. Молодой человек не мог сразу поверить в прошлое существование своего деда-белогвардейца, шедшего на выручку царскому семейству Романовых в восемнадцатом году под Екатеринбургом. Слова матери о том, что дед был одним из первых, кто был на пепелище царской семьи, не укладывались у Майка в голове. В память об этом событии, дед подарил бабушке Майка алый бант и найденный на пепелище небольшой ограненный насыщенного цвета изумруд. Позже стало фактом, что камень ранее был спрятан в сгоревших личных вещах царствующих особ. Уходя с Колчаком на Восток, мужчина прощался со своей молодой женой, Гертрудой Карловной Блад, взявшей к тому времени фамилию ирландского красавца офицера. С победой большевиков бабушка была вынуждена переехать из Омска в Ново-Николаевск. Остаться в Омске или уезжать в Петроград она не решалась. Чтобы не вызывать подозрения своей звучной фамилией, она ее изменила на Блат. Хотя и эта фамилия могла вызвать много вопросов. Носителями её в царской России были иные знаменитые семейства. Позже Гертруда Карловна с ребенком переехала в Томск. Гораздо позже жизнь заманила ее в Северск.

Мама рассказывала сыну, что фамилия Блад в России появилась с воцарением на престол Екатерины Великой: “Твоя прабабушка говаривала твоей бабушке, что щедрость императрицы поистине не знала границ и в отношении приближённых ко двору, в том числе, и к иностранным аристократам”. Пока Майк слушал свою мать, та достала из шкатулки какие-то старые документы, перевязанные лентой, и передала их сыну. На руках у него оказался желто-коричневый потрепанный старый листок, в котором Майк разобрал только одно слово «Манифест». “В шестидесятых годах восемнадцатого столетия императрицей были изданы два манифеста: Первый, «о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах»^{3***}, призывал иностранных подданных переселяться в Россию. Данный документ”, – мать указала на листок в руках Майка, – “разрешал им устраиваться и на военную службу. «... поселившиеся в России иностранные, во все время пребывания своего, ни в военную, ниже в гражданскую службу против воли их определены не будут, кроме обыкновенной земской и то по происшествии предписанных льготных лет; а будет кто пожелает «самоизвольно» вступить в военную службу в солдаты, такому дастся,

³ ***Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.Т.16. 1830.С.313-316.

при определении в полк, 30 рублей в награждение, сверх обыкновенного жалованья»***Второй же, определял перечень льгот и привилегий переселенцам. Коль императрица была немкой, то в большей степени этими манифестами воспользовались ее сородичи. Думаю, в том числе, и мамыны деда. Возможно, прадеды моего отца, твоего деда, таким же образом попали на службу в Россию”, – всматриваясь в глаза сына закончила мать. Предки Майка были специалистами в морском деле и, получив должные чины, рьяно служили императрице. Позже все российские выходцы этого семейства по мужской линии становились военными и всегда защищали интересы империи. Когда в Советском Союзе на свет появился мальчик, его записали на бабушкину фамилию Блат и назвали Майком.

“Не хватало в России еще ирландца по имени Михаил и отчеству Юрьевич”, – говаривала любимая бабушка, намекая на известного русского поэта с шотландскими корнями.

После возвращения в Новосибирск Майк стал активно интересоваться своим прошлым и пытался выискивать любые исторические статьи и литературу, связанные с его ирландскими корнями. Отца он не знал. Скорее это был недолгий брак его матери, но его имя он с удовольствием носил в своем отчестве. Имя Юрий было не только модно, но и дорого всему Советскому Союзу, это было имя первого в мире космонавта, а потом это было и имя лучшего друга.

Однажды в центральной городской библиотеке ему выдали формуляр на книгу об истории некоего ирландского наемника по имени Томас Блад. История привлекла его внимание. Можно сказать, перевернула на сто восемьдесят градусов его жизненные устремления и повлияла на дальнейшую творческую деятельность. Сидя в кресле у себя в общежитии, он читал книгу, выданную ему всего на один вечер. «Шёл семидесятый год семнадцатого столетия... Долго не размышляя, Томас решил попробовать себя в ограблении. Грабить богатых людей и выступать в роли справедливого Робин Гуда его не прельщало. Простой и скромной целью ирландца стали драгоценности Короны Британской империи. Нужно было оказаться очень отчаянным, чтобы решиться на это... Он знал, что в его жилах текла кровь давно забытых всеми древних жителей Тары, крещенных когда-то святым Патриком. Он оставался католиком несмотря на многочисленные попытки англичан сделать из его родины последователей протестантизма. Его предки были простыми контрабандистами и без доли сомнений уклонялись от традиционных налогов. Драгоценности Короны хранились в Лондонском Тауэре. Да, они охранялись огромным количеством вооруженного караула. План Блада был прост, как никогда. Его гениальная идея заключалась в переодевании в различные одежды, наложении фальшивого туалета; придаче человеку иного статуса, чем он есть на самом деле. Главные же роли отводились фальшивой жене и фальшивому племяннику.

Жену ему вызвалась заменить за отдельную плату местная проститутка.

Племянник, якобы, собирался жениться на дочери скромного Хранителя Короны, Эдварда Талбота. Попав в помещение Хранилища и осмотревшись, переодетые бандиты оглушили простоватого Эдварда. Им не составило труда разбить молотком стекла, за которыми лежали драгоценности. Растолкав добычу по карманам и мешкам, ирландец и его сообщники попытались сбежать. Однако фортуна оказалась не на их стороне. Далеко им уйти не удалось. Несколько охранников Тауэра стащили воришек-беглецов с уже запряженных лошадей... В итоге Томасу, тем не менее, очень крупно повезло. Король Англии Карл Второй находился в тот момент в хорошем расположении духа и его так позабавила вся эта история, что он простил наемного убийцу и позволил ему уехать в Ирландию». “Возможно, эта ситуация и вынудила будущих родственников Томаса переселиться в Россию, чтобы прекратить досужие разговоры соседей”, – думал Майк, размышляя над прочитанным, – “Попробовал бы он решиться сегодня на такое, одной смелости и наглости было бы маловато”.

Сидя безвылазно в Лондонском доме, Майк прекрасно понимал и раздумывал, что любой руководитель хотел бы работать с умными подчиненными. Но главная проблема состояла в

том, что умные люди не очень любят, когда ими руководят и не дают место творчеству и фантазии. Иногда им просто хочется, чтобы начальник их оставил в покое. Они претендовали на большую самостоятельность. Однако в его жизни на поверку часто выходило, что под умелым руководством таланты Майка и профессиональность его подчиненных не только открывались с новой неизведанной ранее стороны, но и просто заново расцветали. Люди работали более продуктивно, повышая свой коэффициент полезного действия. Майк любил работать командой и, чтобы группа специалистов была компактной и профессиональной.

Он целенаправленно подбирал коллектив таким образом, чтобы люди могли заменять и подстраховывать друг друга. Майк считал и даже был уверен, что самый оптимальный численный состав управляемой команды не должен превышать семи человек. Каждый у него имел свою коронную специальность и отвечал за свой сегмент вопросов. За годы, проведенные вдали от Родины, старший группы и его подчиненные стали одной семьей. Они понимали друг друга не только с полу слова, но и с полу жеста. У каждого из семи были свои маленькие группы, не превышающие трех человек. За них они отвечали также перед Майком. Командировки домой оказывались не столь частыми. Матушка Майка полагала, что сын ее находится где-то в очередной научной экспедиции на Северном Полюсе.

Кроме своего друга, с кем Майк иногда по вечерам в отдельной комнате за чашкой чая обсуждал планы и иные вопросы, он больше никого не хотел знать из руководства. Он считал, что это при его работе не зачем. Члены его группы знали в качестве руководителя только Майка Блата. Этим простым премудростям людей научила жизнь. На самом вершине были довольны их работой. Расчеты и анализ Майка были всегда продуманными, не предвиденных ситуаций не возникало, а те мелочи, возникавшие в любом технологическом или производственном процессе, были заранее просчитаны, а значит и купированы. Это и отличало Майка и его группу от менее удачливых коллег.

Глава 2

Яхта по маршруту

Яхта «Жемчужина, уже давно стояла в порту Лазурного Берега-Ниццы. Порт, расположенный в центральной части города, отдавал итальянской атмосферой. Маленькие старинные улочки, домики, устремляющиеся вверх. Арки и лестницы, соединяющие различные строения. Архитектура напоминала итальянские городки, расположенные не так далеко отсюда. Причалы Ниццы были забиты яхтами и катерами разных размеров. Для местных это была не роскошь, а просто средства передвижения по просторам и водным артериям Франции. Можно было за считанные минуты оказаться в Каннах или Монако. Желаящие быстро могли добраться и до Сан-Тропе.

На яхте шли приготовления. Заносилась вода и провиант, велись такелажные и иные работы. Матросы драили палубы. Они их начищали до блеска. Пилоты вертолетов и их механик еще раз проверяли свои небесные ласточки, чтобы те исполняли свою работу безотказно и исправно. Предстоял маленький морской круиз для небольшой компании, состоящей из нескольких семейных пар европейских любителей хорошо развлечься и потратить деньги. Кто-то прилетал на самолете, кто-то приезжал на своем люксовом авто, а кто-то просто переплывал через Ламанш на своей маленькой яхте, чтобы присоединиться к уважаемой компании. Кто-то был с молодой подружкой, а кто-то предпочитал в качестве спутника молодого человека. Люди подобрались разной возрастной категории, но всех их объединяла любовь к роскоши. «Жемчужина» была готова к отплытию, ожидали еще одну пару. Он и она должны были появиться с минуты на минуту. Играла легкая музыка, флаги Франции и Евросоюза трепыхались на легком весеннем ветру. Яхта должна была отправиться в Италию, заглянуть на Сардинию и Сицилию. Потом по Средиземному морю дойти до Испании и через Гибралтар, выйдя в океан, попасть в порты Амстердама и Саутгемптона.

С тех пор как яхту спустили на воду, она была героиней светской хроники, на ней закатывались вечеринки во время различных европейских фестивалей. На ее борту веселились знаменитые артисты и исполнители ранга звезд Голливуда и обладатели музыкальных премий Грэмми.

По словам капитана, «данная посудина» была единственной в мире яхтой, имеющей звукозаписывающую студию, кинотеатр, два бассейна, свою подводную лодку и две вертолетные площадки. Это была одна из самых дорогих яхт мира. Безопасность гостей обеспечивали пуленепробиваемые стекла, система оповещения и защиты от несанкционированной фотосъемки и возможной атаки с воздуха, и из-под воды. В качестве дополнительного бонуса в недрах яхты стояло три гидроцикла.

Команда судна работала споро и слажено. Все движения членов экипажа были отточены, приказы главного исполнялись своевременно. Пока гости, обустроиваясь занимались своими делами, прозвучала команда «Отдать швартовы».

У Майка и его группы было все готово.

На утро пятнадцатого марта все французские газеты поместили на своих первых полосах срочное сообщение. Заголовок, фактически, был у всех одинаков, «Ограбление века с помощью тарана». Вся полиция Парижа сбилась с ног. Ограблены ювелирные магазины и бутики золотого треугольника. Преступление совершено недалеко от Вандомской площади и площади Оперы. Уже к вечеру паника немного спала и улеглась. Некоторые газеты постарались успокоить и уведомить своих читателей только о попытке дерзкого ограбления лишь одного из бутиков. Неизвестным преступникам удалось проломить бронированную дверь магазинчика спе-

циальной техникой, разломать решетку, защищавшую витрину, и разбить стекло. А со слов хозяина ювелирной лавки, якобы, внутрь магазина преступники так и не смогли проникнуть. Их напугала своевременно прибывшая полиция.

Комиссар полиции успокаивал читателей, говоря, что меры по улучшению полицейской охраны района и защиты помещений магазинов позволили за последние годы поймать несколько группировок нападавших. “Обычно”, – говорил он корреспондентам, – “группы преступников действуют по десять -пятнадцать человек. Несмотря на большой риск, они пытаются грабить эти магазины по несколько раз в месяц, изобретая все новые и новые варианты и предлоги грабежа”. Отвечая на вопрос молодой симпатичной журналистки, бравый комиссар гордо подметил: “У нас большой опыт в раскрытии подобных преступлений. Вы помните, ограбление «Карлтон отеля» в Каннах в 1994 году? Там было украдено драгоценностей более чем на тридцать миллионов евро. А знаменитое ограбление ювелирного бутика дома «Гарри Уинстона» на Елисейских полях пятнадцать лет спустя? Сумма украденного оценивалась более чем в восемьдесят миллионов евро”. Девушка-корреспондент постаралась ближе протиснуться к комиссару и задать вопрос: “Не хотите ли Вы этим сказать, что как там, так и здесь действовали последователи криминального картеля «Розовая пантера»?”

После некой паузы комиссар, глядя только на журналистку, ответил: “Мадам, если вы помните, то ещё в июне того же года французская полиция задержала целых двадцать пять подозреваемых. Нам удалось тогда обнаружить у них часть драгоценностей и выручку от продажи ювелирных украшений. Задержанными оказались мужчины и женщины от студенческого до пенсионного возраста. Эта организация работает во многих странах Европы. Создана она выходцами из Югославии. Мое мнение, мы тем самым до сих пор расплачиваемся за ошибки наших политиков. Одно могу сказать, что этот картель специализируется на краже предметов роскоши, но не гнушается заниматься наркотиками, проституцией и контрабандой. Не говоря уже об убийствах. Надо помнить, что данный бутик грабили и за год до этого происшествия. Тогда, правда, воры унесли драгоценностей на десять миллионов евро”. Ответив на все полагающиеся вопросы, полицейский немного расслабился и повернулся в сторону хозяина бутика.

Старый устало выглядевший торговец, находившийся на месте преступления, почти, целый день, тоже пытался успокоить прессу. Одного лишь главного он им не сообщил. Никто ещё не знал, что были украдены пока не выложенные на прилавок ювелирные украшения. То были ювелирные раритеты, ранее принадлежащие монаршей семье Романовых. Увы, их даже не успели застраховать. Как, у кого и где он их приобрел тоже оставалось тайной.

Казалась пресс-конференция закончилась. Журналисты складывали аппаратуру, лишь ранее задававшая полицейскому вопрос девушка не торопилась это делать. Она попросила своего оператора направить камеру на комиссара. Извинившись, она окликнула его, чтобы задать еще один вопрос: “Извините, пожалуйста, господин комиссар. Раз у нас пошли воспоминания громких ограблений ювелирных магазинов, не грех бы узнать, как Вы могли бы прокомментировать результаты расследования одного странного ограбления. По-моему, совершенного в десятом году, в одном из известных французских банков”. Полицейский не знал, что сказать. Реальных результатов следствия не было. Банда грабителей, воспользовавшись какими-то сложными инструментами, прокопала тоннель и пробралась в хранилище банка, где были обчищены около ста депозитных ячеек. Точная сумма украденного неизвестна. Состоятельные клиенты самостоятельно управляли своими ячейками и не хотели делиться информацией с полицией. Очень похожее преступление произошло месяцем раньше в филиале этого же банка в северной части Парижа. Там тоже ограбили около ста ячеек. Под подозрением была все та же таинственная банда. “Извините, почему Вас интересует этот вопрос? Это что-то личное? Вашу ячейку в этом банке тоже немного почистили?” – с неким сарказмом задавал вопрос мужчина. “Нам легче будет помочь клиентам банка, если мы будем точно знать, что там похищено.

Иначе, мы должны искать то, не зная что”, – глядя на удивленную его ответом девушку, закончил комиссар.

На «Жемчужине» все знали, что круиз заканчивается в Лондоне в отеле «Лэнгхэм Лондон». Этот дворец распахнул свои двери, предоставив шикарные апартаменты, еще с середины девятнадцатого века, точнее в 1865 году. Более ста пятидесяти лет отель продолжал принимать высокопоставленных персон. В его стенах часто останавливались члены королевских семей. Отличительной особенностью фешенебельного исторического здания являлись обитающие в его стенах привидения. Среди привидений отеля очевидцы с точностью опознавали Наполеона Третьего и некоего немецкого принца. Последний не раз останавливался в отеле во время своих визитов в Лондон. Данное заведение значилось первым гранд-отелем, открывшимся на территории Европы и расположенным в центре Лондона, всего лишь в паре минут от Букингемского дворца. Предстоящие две ночи в Лондоне должны были быть некой кульминационной точкой в трехнедельном морском путешествии.

Майк не раз говорил собеседнику, что если кто-то хочет успешно управлять людьми с достойным интеллектом, то должен вести себя скромно, не выказывая особых притязаний: “Главная хитрость заключается в том, что надо апеллировать к тому, что больше всего людей вдохновляет. У кого-то есть свои цели, кого-то можно простимулировать самостоятельностью и деньгами, а к кому-то нужно просто подобрать ключик в виде любви или бриллианта. Возможно, этот ключик лежит в руках и не одной женщины. Но нельзя шантажировать человека. Этим можно все испортить и загубить, получив обратный эффект. Майк называл его эффектом мщения”.

Зная Майка все прошедшие годы, собеседник не мог не согласиться с руководителем семерки. Он знал, что талантливых сотрудников надо постоянно мотивировать и наглядно показывать им результаты их усилий. Потому они и проводили совместный анализ работы группы и разбор полетов недавних и старых операций.

Правда, больше разбор проходил по теоретическим вопросам. Они обсуждали правильность выбранных целей при поставленных задачах. Саму подготовку к выбранным операциям и их исполнение. Разбирали сделанные ошибки и промахи. Отмечали для себя удачные решения. Майк просмотрел все предложенные варианты и их итоги.

Февраль 2003 – Грабители украли бриллианты на 117 млн долларов из Алмазного центра Антверпена в Бельгии.

Февраль 2005 – Группа вооруженных злоумышленников, одетых в форму работников аэропорта, захватила в аэропорту Амстердама грузовик, перевозивший бриллианты и другие драгоценные камни на сумму 88 млн долларов.

Август 2009 – Вооруженные грабители совершили рейд на ювелирный магазин в центре Лондона, забрав драгоценностей на 61 млн долларов.

Июль 2013 – Вооруженный преступник вынес с ювелирной выставки в отеле курортного города Канны на французской Ривьере драгоценности на 47 млн долларов.

Более подробно решили разобрать первый случай с кражей бриллиантов в Антверпене. Заинтересованным лицам лучше и больше известно, что восемьдесят процентов всех неграбнённых алмазов проходят через Антверпен. Потому в городе и происходит немало краж, связанных с драгоценными камнями. Майк сразу оценил, что это преступление выделяется среди иных предварительно разобранных. Майка всегда ценили за точный анализ и почти стопроцентную гарантию успеха. “Во-первых”, – отметил он, – “трофей для группы оказался не подъемным. Либо они шли наугад, что мало вероятно, либо их неправильно информировали. Тогда возникает вопрос, случайно ли это произошло или их здесь подставили специально. Леонардо Нотарбартоло далеко не новичок в этом деле, он проворачивал и не такие сложные операции. Он был в восторге с тридцатилетним криминальным стажем. Во-вторых, он планировал это

ограбление несколько лет. Ты только представь, опустошить из ста шестидесяти сейфов-хранилищ алмазной биржи почти все за малым исключением. В налете участвовало напрямую всего четыре человека. Что, на мой взгляд, абсолютно правильно. В-третьих, ребята еще за три года до кражи сняли офис в том же здании, где была и сама биржа. Благодаря подставной компании народ получил доступ к магнитным ключам”.

“Значит ты склоняешься больше к подставе”, – спрашивал Майка собеседник и, получив утвердительный ответ, продолжил, – “пока не вижу логики, может ты мне подскажешь?”

“Смотри сам”, – предложил Майк, – “Леонардо выполнял роль торговца бриллиантами, создав себе соответствующую репутацию. Вор встречался с потенциальными клиентами, заключал сделки – никто и не думал, что это фиктивное лицо. В середине февраля в год ограбления на выходные народ заклеил объективы видеокamer и подменил кассеты в камерах. А это скрыло их действия. Потом мы знаем, что хранилище было защищено десятью видами охранных технических средств, в том числе инфракрасными и магнитными датчиками, замком со ста миллионами комбинаций. Но люди все же проникли каким-то образом в хранилище. Прошло столько лет, а полиция до сих пор не может понять, как именно смогли обойти защиту. Обрати внимание еще на одну деталь. Уже, через день Леонардо был арестован. Поймали и его сообщников – жену и голландскую супружескую пару. У них были найдены улики по громкому делу. А вот самих бриллиантов на сумму в сто миллионов долларов так и не нашли. Нотарбартоло сейчас отбывает долгий срок в тюрьме. Интересно, что на суде он заявил, что их нанял некий еврейский торговец, а украли они только часть бриллиантов, на сумму в двадцать миллионов долларов. К моменту прихода воров в хранилище часть сейфов уже было опустошено. Заметь, что все задержанные утверждали, что к их приходу в хранилище весь пол, был уже усыпан бриллиантами. Драгоценности принадлежали почти семидесяти частным лицам и организациям. Есть ещё один аргумент в поддержку версии, что их подставили. Некоторые сыщики в своих интервью местной прессе заявляли, что не исключают и большую махинацию банкиров со страховкой. Они полагали, что с одной стороны, тем самым банкиры просто подставили знаменитого вора, дав ему все козыри на руки, чтобы тот попал в хранилище банка. С другой стороны, они избавились от потенциальной угрозы воровства от такого профессионала, засадив его на лишние двадцать лет”. “Интересные рассуждения и выводы, но суд не признал эти версии, а полиция еще поймала трех соучастников грабежа”, – не убеждался логикой партнер. “Я бы рассматривал как раз этот факт именно «за» версию подставы. Нам известно, что воришек никто из своих не выдал. Значит кто-то досконально был посвящен в эти процессы и схемы. Кому было выгодно покрыть все тайной, у кого была возможность залить проблему деньгами или подкупить правосудие? В конце концов, кто получил страховку? Ответ напрашивается сам собой”, – рассуждал Майк.

“Хорошо, готов согласиться. Давай еще раз проговорим роль каждого на предстоящие дни”, – предложил собеседник.

Северо-Западный ветер гнал яхту с Сардинии на Сицилию. Часть пассажиров, уютно разлеглась в шезлонгах, принимая солнечные утренние ванны. Другая часть плавала в бассейне, заигрывая друг с другом. Обслуживающий персонал предлагал минеральную воду с газом и без, фруктовые натуральные соки и сухое шампанское со льдом. Кто-то уже позавтракал, а кто-то только встал и делал гимнастику в бассейне, тем самым готовил свой организм к утренним изыскам шведского стола.

Майк, оставаясь один на один с собой, убеждал себя, что в свое время сделал правильный выбор. Прошло уже более двадцати лет, как он ушел из института. Деньги перестали платить еще в девяносто втором. Свои ваучеры они с коллегами продали, на их взгляд, более чем удачно, выручив за них тройную цену. Ездить в Турцию или Китай челноками ему претило. Специалисты его лаборатории уезжали кто куда. Кого-то пригласили в Европу, кто-то уехал в Китай. Он оставался на месте, но болезнь любимой матери заставила его братья за

халтурки. Разрабатывал компьютерные программы набирающим силу молодым предпринимателям. Вырученные деньги он отправлял матери в Симферополь. Несколько раз удавалось слетать и самому. Переезжать в Крым на совсем он не хотел. Не видел там для себя перспектив. В девяносто четвертом удачно разработал программу для местных угольщиков, добывающих антрацит. Заплатили достойно. Молодой народившийся собственник угольного предприятия, понимающий в каком направлении идет молодая Россия, пытался втянуть Майку в различные финансовые аферы. Не удалось. Не позволила ирландская гордость и увлеченность своей работой. Выручил, как это часто бывает, случай. На этой же шахте работали немецкие наладчики, устанавливали свое оборудование. Что-то не пошло у них с программным обеспечением. Возникла длительная пауза. Немцам, прекрасно говорящим на английском языке, требовалась консультация у производителей блоков программного обеспечения. Срывались сроки сервисного контракта. Собственник шахты тоже срывал планы, но уже поставки угля потребителям. Вся нервная ситуация надоумила последнего с извинениями за прошлое обратиться опять к Майку. На удивление немцев, машина не давала сбоев и работала уже к вечеру. По этому поводу был организован маленький фуршет, где Майку настойчиво сделали предложение перейти в немецкую компанию.

По правде сказать, компания только считалась немецкой, но специалисты были из Ирландии, Дублина. Про оптимизацию налогов россиянин тогда, почти, ничего не слышал. Соответственно и не вникал в интересную схему «двойной ирландский виски с голландским сэндвичем» или «двойная ирландская с голландским сэндвичем» минимизации платежей родному государству. Ему было достаточно, что при его хороших знаниях английского языка и современной специальности по ИТ технологиям, он может уехать работать в Ирландию.

Глава 3

Ирландия и Юрка

В России кроме матушки его ничего уже не держало. Любимой девушки у него не было. То есть она была, но за мужем за другим. Юлька не могла терпеть неопределенности в отношениях, ей нужно было все и сразу. Потому ещё в период поступления Майка на работу в институт, где он не мог похвалиться сносной зарплатой она заявила: “Не могу больше жить в общежитии. Почему не можешь устроиться на другую работу, где платят больше? Как мы будем дальше жить? У меня в школе платят копейки. Ты же мужчина. Придумай что-нибудь”. Что мог придумать после университета молодой парень, когда страна стояла на грани раскола. А, ему нравилась своя специальность, математический анализ, программы и новые вычислительные машины. Юлька ушла, хлопнув дверью. С ее братом Юркой одноклассник уже давно не общался. Тот не звонил, а его телефона у Майка не было.

Переезд на работу в Ирландию подкупал и тем, что страна в Европе именовалась «Кельтским тигром». Её экономика, не в пример российской, росла, как на дрожжах. Она превышала мировые темпы. Позади оставались лучшие показатели азиатских быстрорастущих стран. Ирландия интенсивно вкладывала кредиты и иные средства в информационные технологии, телекоммуникации, производство программных продуктов, образование и электронную коммерцию. Теперь Майк мог свободно перечислять достаточно денег в Симферополь. Переезжать в съемный дом в пригороде Дублина мать отказывалась. Майк был полностью погружен в свою интересную работу. Его устраивала хорошая оплата труда и отношение коллег. Все шло, как по накатанной. Иногда с подружившимися коллегами за пинтой светлого он проговаривал и о своей возможной ирландской крови. Правда, иногда на пятничных пивных застольях его, почему-то, пытался задирать его непосредственный руководитель. Майку пока удавалось все переводить в шутку. Немного позже он стал понимать, что раздражало шефа. Тот просто оказался рьяным националистом и старался сдерживать себя в присутствии русского, более того, он ревновал его к успехам в работе. Но, когда Майк заводил разговор о России и ирландском офицере-белогвардейце, того начинало передергивать. Впрочем, всю Ирландию, Майк мог охарактеризовать дружелюбной и гостеприимной. По мнению русского, Дублин был умиротворенный, спокойный и сказочный город. Это был один из древнейших городов Западной Европы, его старинные улочки привлекали и завораживали. В нем поражало обилие художественных галерей и музыкальных пабов. Хотя, город, по меркам России, был небольшой и не дотягивал до шестисот тысячного населения. По числу жителей он равнялся среднему сибирскому городку, в частности, такому, как Томск.

За четыре года, уже проведенных в Ирландии, у Майка появился свой любимый бар, где предлагали посетителям отличное обслуживание. А главное, разнообразные сорта пива. Не в пример отдельным пабам, торгующим только моно-пивным напитком. «Син», находящийся на одноименной улочке, предлагал неповторимые и замечательные блюда. Их, едва ли, встретишь в Дублине, где-то ещё. Помещение бара было оформлено со вкусом и изыском. Вот там-то, спустя девять лет после расставания и разлуки встретились одноклассники, бывшие выпускники математического факультета.

Юрка почти не изменился, только его взгляд стал немного серьезнее и суровее. Он больше расспрашивал Майка, чем говорил о себе. Правда, через час общения, он все же сказал, что он работает в российском посольстве в Дублине, куда приехал более полу года назад. До этого ему удалось поработать в Лондоне. “Так значит ты приехал сюда зарабатывать?” – интересовался Майк. “И много платят? Мне раньше казалось, что эти вопросы не должны интересовать патриотов страны. Оказывается, им, почти, ничего не платят в их ведомстве. Они вынуждены ездить по миру, чтобы заработать копеечку”, – саркастически, выпив очередную кружку

пива, спрашивал Майк. “Дорогой Майк, ты же тоже сюда приехал не за спасибо. Наверняка, зарабатываешь неплохие деньги, раз вечером можешь себе позволить такой бар”, – защищался Юрий. “Юра, ты не обижайся. В восемьдесят девятом ты куда-то пропал, не давал о себе знать ни слова. Юлька, тоже не хотела жить на учительскую зарплату, выскочила за какого-то «нового русского» замуж. Я остался из нашей компании один. Сам с собой. Денег нет, семьи нет, друзья разъехались. Любимая работа загнулась. Что оставалось делать, не умирать же с голоду? Здесь предложили интересную работу по моему профилю. В придачу хорошие жилищные условия и неплохую по местным меркам зарплату. Что не работать и не наслаждаться жизнью? Подожди. Кстати, а как ты попал в посольство за границу, ты на кого учился?” – спрашивал, оправдываясь Майк. После небольшой паузы Юрий рассказал о том, где он учился и чем он занимается за рубежом. Майку эта откровенность друга импонировала. “Знаешь, дружище. Наверное, я заговорил бы об этом ни сегодня и ни завтра. Но мне кажется, а чутье меня подводит очень редко, тебе будет интересно одно моё предложение”, – начал издали сотрудник посольства. “Кстати, «ирландец», ты нашел здесь своих родственников, свои корни?” – ни то в шутку, ни то в серьез спрашивал Юрий. “Стоп, откуда ты знаешь о моих корнях? Я ни тебе, ни Юльке об этом не говорил”, – уставился на собеседника Майк. “Майк, ты, как ребенок. Я же сказал тебе, где и на кого я еще учился. Помнишь международные олимпиады, на которые тебя не брали. А брали того же Игоря. Ну, Петрова помнишь? Я его имею в виду”, – напоминал Юрий. “Так вот, подозрение в том, что твоя семья имела отношение к офицерам-белогвардейцам, будоражило умы чиновников и оперативных спецов ещё советского КГБ. Им оказывается не давала покоя история твоей бабушки. Однажды она, якобы, по секрету об этом рассказала одной из своих близких подруг в Северске. Правда, к счастью, ваша семья быстро покинула это место. Сам понимаешь, город был режимным и небольшим, все друг друга знали. Да, если помнишь, назывался он Томск-семь. Вы уехали, а история в её личном деле осталась. Дело переслали в Симферополь под контроль местного комитета. А там уже дело техники. Если бы не твоя светлая голова, не знаю, учился бы ты в университете Новосибирска?” – глядя в глаза собеседника пояснял Юрий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.